ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать пятый | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 20-го Апрѣля 1886 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1886 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 16.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

28-го сего апрѣля исполнится годъ отъ кончины Высокопреосвященнѣйшаго Александра, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго. Во всѣхъ церквахъ Литовской епархіи въ навечеріи 28-го дня апрѣля имѣютъ быть совершены заупокойныя всенощныя бдѣнія, а въ самый день заупокойныя литургіи и паннихиды по въ Бозѣ почившемъ Архипастырѣ.

Дѣйствія Правительства.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Святѣйшаго Правительствующаго Синода, 20-го марта сего года, епископъ Литовскій **Алексій**, во вниманіе къ отлично-ревностному его служенію и особымъ пастырскимъ трудамъ, Всемилостивѣйше возведенъ, ко дню св. Пасхи, въ **санъ Архіепископа**.

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Св. Правительствующаго Синода, 20-го марта сего года, епископы: Херсонскій *Никаноръ*, и Харьковскій *Амвросій*, во вниманіе къ отлично-ревностному ихъ служенію и особымъ пастырскимъ трудамъ, Всемилостивѣйше возведены, ко дню св. Пасхи, въ *санъ архіепископа*.

— Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 20-го марта сего года, Преосвященному Архіепископу Тульскому *Никандру* — Всемилостивѣйше пожалованъ *бриллiантовый крестъ для ношенія на клобукѣ*.

— Высочайшими грамотами данными 20-го марта сего года, Преосвященные—*Палладій*, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, и *Серафимъ*, епископъ Самарскій и Ставропольскій, сопричислены къ ордену *Святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго*; преосвященные: *Несторъ*, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій, *Тихонъ*, епископъ Енисейскій и Красноярскій, *Сильвестръ*, епископъ Каневскій, викарій Кіевской епархіи, *Августинъ*, епископъ Аккерманскій, викарій Кишеневской епархіи, *Николай*, епископъ Ревельскій управляющій духовною миссіею въ Японіи и заслуженный ординарный профессоръ богословія въ Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра протоіерей *Назарій Ѳаворовъ*—сопричислены къ *Ордену Св. Анны первой степени*.

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, 20-го марта сего года, викарій Томской епархіи, епископъ Бійскій *Макарій*, во вниманіе къ отлично-усердному служенію, Всемилостивѣйше пожалованъ, ко дню св. Пасхи, орденомъ *св. Владиміра 3-й степени*.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ, по вѣдомству православнаго исповѣданія, пожаловать ко дню св. Пасхи *орденъ св. Владиміра 4-й степени*, статскому совѣтнику инспектору Литовской духовной семинаріи *Іосифу Щербицкому*.

— *По Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по учрежденіямъ Императрицы Маріи*. Государь Императоръ, по ходатайству временно-исправляющаго должность Главноуправляющаго, согласно удостоенію Комитета Министровъ, 2-го сего апрѣля, Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе за отличное усердіе и особые труды, орденомъ *Св. Станислава 3-й степени*—преподавателя Виленской женской гимназіи, надворнаго совѣтника *Григорія Мирковича*.

— *№ 601, отъ 18—20 марта 1886 года. О награжденіи лицъ духовнаго званія за заслуги по духовному вѣдомству*. Св. Правит. Синодъ слушали представленіе преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ о награжденіи подвѣдомственныхъ имъ духовныхъ лицъ за заслуги по духовному вѣдомству. Приказали: на основаніи бывшихъ разсужденій Св. Синодъ опредѣляетъ, поименованнымъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ духовныхъ лицъ удостоить означенныхъ въ семъ спискѣ наградъ; о чемъ, для объявленія епархіальнымъ преосвященнымъ, напечатать прилагаемый при семъ списокъ таковыхъ лицъ въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ".

Списокъ лицъ духовнаго званія, кои за службу по духовному вѣдомсѣву, награждаются Святѣйшимъ Синодомъ ко дню св. Пасхи въ 1886 году.

По епархіи Литовской: а) *наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ*—Виленскаго общежительнаго дѣ-

вичьяго монастыря священникъ Петръ *Томаровъ*; Виленской губерніи, Вилейскаго уѣзда, церкви мѣстечка Долгинова, протоіерей Ѳома *Калинскій*; Виленской губерніи, Дисненскаго уѣзда, Ново-Погостской Свято-Николаевской церкви, священникъ Іоаннъ *Сушкевичъ*; Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда, Болотской Свято-Параскевіевской церкви, священникъ Іосифъ *Станкевичъ*; Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда, церкви села Гощева, священникъ Лонгинъ *Формасевичъ*; Гродненской губерніи, Пружанскаго уѣзда, церкви села Березы, священникъ Августъ *Горбачевичъ*; Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, церкви села Жорчицы, священникъ Іоаннъ *Калишевичъ*; и Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Клещельской Свято-Успенской церкви, Іосифъ *Тарановичъ*; б) *камилавкою* — Гродненской губерніи г. Брестъ-Литовска, Свято-Николаевскаго собора, священникъ Константинъ *Филаретовъ*; Гродненской губерніи, Кобринской соборной Александровской церкви, священникъ Никодимъ *Бабулевичъ*; Гродненской губерніи, Сокольскаго уѣзда, заштатнаго города Кузницы, Крестовоздвиженской церкви, священникъ Іоаннъ *Сильпуржинскій*; Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Вольковской Свято-Михайловской церкви, священникъ Іоаннъ *Врублевскій*; Гродненской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, Райской Пятницкой церкви, священникъ Андрей *Сосновскій* и Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда, церкви села Ольшева, священникъ Иларіонъ *Кадлубовскій*; в) *скуфьею*—Виленскаго Николаевскаго каѳедральнаго собора ключарь, священникъ Михаилъ *Голенкевичъ*; Виленской губ., Вилейскаго уѣзда, церкви села Груздова, священникъ Николай *Литвиновскій*; Виленской губерніи, Поневѣжскаго уѣзда, церкви мѣстечка Биржи, священникъ Василій *Павскій*; Гродненской губерніи и уѣзда, Скидельской Свято-Покровской церкви, священникъ Димитрій *Некрасовъ*; Гродненской губерніи и уѣзда, Верцелишской Александровской церкви, священникъ Іоаннъ *Гашунинъ*; Гродненской губерніи, г. Брестъ-Литовска, Св.-Николаевскаго собора, священникъ Александръ *Шкопель*; Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, Верховичской Св.-Николаевской церкви, священникъ Платонъ *Ширинскій*; Гродненской губернія, Бѣльскаго уѣзда, церкви села Щитовъ, священникъ Левъ *Говорскій*; Гродненской губерніи Бѣльскаго уѣзда, церкви села Андріановъ, священникъ Николай *Скалабановичъ* и Гродненской губерніи, Слонимскаго уѣзда, Новгородовичской Свято-Николаевской церкви, священникъ Іоаннъ *Павловичъ*; г) *благословеніемъ Св. Синода съ грамотою*—Виленскаго каѳедральнаго собора протоіерей Николай *Догадовъ*, и Гродеской губерніи, г. Брестъ-Литовска, Свято-Николаевскаго собора, протоіерей *Лободовскій*, и д) *безъ грамотъ*—Виленскаго Святодухова монастыря іеромонахъ *Парменъ* и Гродненской губерніи, Бресткаго уѣзда, церкви села Радеша священникъ Михаилъ *Бѣллевичъ*.

— *№ 602.* **За службу по гражданскому вѣдомству.** По епархіи Литовской: а) *саномъ протоіерея*—законоучитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, священникъ Іоаннъ *Берманъ*; и б) *наперснымъ крестомъ отъ Свят. Синода выдаваемымъ*—законоучитель Молодечнянской учительской семинаріи, священникъ Константинъ *Соболевскій*.

Мѣстныя Извѣстія.

— 6-го апрѣля, **скончалась** Просфорня Верхолѣсской церкви, Кобринскаго уѣзда, *Марія Матвѣева Пашкевичъ*, 75 лѣтъ.

— 6-го апрѣля, **скончался** Священникъ Дубновской церкви, Гродненскаго уѣзда, *Викторъ Малевичъ*.

— **Вакансіи Священника:** въ с. *Дубно*—Гродненскаго уѣзда (1), при Ковенскомъ Александро-Невскомъ соборѣ (5), въ с. *Покрахъ*—Брестскаго уѣзда (3), въ м. *Старо-Красносельѣ*—Вилейскаго уѣзда (12). **Псаломщика:** при Ковенской Воскресенской церкви (4), въ м. *Сморгоняхъ*,—при Св. Михайловской церкви (3), въ м. *Кретингенѣ*—Тельшевскаго уѣзда (2), въ с. *Покрахъ*—Брестскаго уѣзда (3), въ с. *Андроновѣ*—Кобринскаго уѣзда (4), въ с. *Зельзинѣ*—Волковыскаго уѣзда (5), въ с. *Ново-Шарковѣ*—Дисненскаго уѣзда (6), въ с. *Ольшевѣ*—Слонимскаго уѣзда (6), и *Буховичахъ* (4)—Кобринскаго уѣзда, въ с. *Хотенчицахъ*—Вилейскаго уѣзда (5).

*) Рекомендуемъ оо. настоятелямъ имѣть сношенія по устройству утвари и ризницы церковной съ П. Д. Александровымъ. (Ред.).

Неоффиціальный Отдѣлъ.

ВЕЛИКОДНЕ.

„Новаго ничего я не скажу, но какъ-то отрадно бываетъ въ извѣстный день вспомнить то, что знаемъ объ этомъ днѣ“.

(Изъ рѣчи К. Н. Бестужева-Рюмина въ Славянскомъ Обществѣ 6-го апрѣля 1886 г.).

Шелъ хохолъ по большой дорогѣ и несъ за плечами сумму, а въ ней дроворубный топоръ, колбасу и пирогъ. Обронилъ онъ, зазѣвавшись, эту ношу, а задній, примѣтливый москаль, ее поднялъ и припряталъ.

Догналъ хохолъ того человѣка и спрашиваетъ:

— А що, ты не находивъ торбинки?

— Какой торбинки?

— А въ еп сокира, кивбаса та паляниця.

— Э, нѣтъ. Я нашелъ мѣшокъ, а въ немъ топоръ. да какое-то крученное мясо, да еще сдобный пирогъ.

— Гэ! це не мое!—сказалъ хохолъ,—и рукой отмахнулся.

Шутливая притча, дешевымъ способомъ напросилась къ слову по задачѣ этой статьи и кстати по времени приспособляемаго разсказа. На законномъ основаніи разницы нарѣчій она приводитъ прямо къ объясненію заголовка тѣмъ, кто его забылъ или вовсе не знаетъ, а на основаніи различія въ народныхъ обычаяхъ — къ указанію на то, почему одному и тому же празднику пріурочены особыя русскія названія.

Не даромъ же, на самомъ дѣлѣ, между тремя несомнѣнно кровными и совершенно родственными племенами восточной славянской расы произошло разногласіе: двое согласились на одномъ, третій отдѣлился, оставшись при своемъ мнѣніи. У бѣлоруссовъ или „хохликовъ“ (которые вообще любятъ въ разговорѣ придзякнуть) „великъ-дзень и у настоящихъ „хохловъ“ (малороссовъ) „великъ-день“—все одинъ и тотъ же „Свѣтлый праздникъ“, Христосъ-день“, наша „Пасха“ и Свѣтлая недѣля“, т. е. первый весенній праздникъ пробужденія природы, время весенняго равноденствія въ честь и славу Воскресенія Христова. Особенность здѣсь лишь та, что, не смотря на ближайшее сосѣдство, православные почтили именемъ великаго *день*, тогда какъ католики предпочли *ночь* (wielka noc, вельканцы), не смотря на то, что сами праздничную службу совершаютъ днемъ.

Одни и тѣ же у православныхъ людей понятія, но разныя доказательства. Ссылаюсь на Бѣлоруссію, въ которой мнѣ довелось производить наблюденія и дѣлать сравненія.

Бѣлоруссія сразу поражаетъ тѣмъ, что въ отмѣну отъ прочихъ, празднуетъ не всю пасхальную недѣлю, а только первые три дня. Между тѣмъ, всѣ охотно вѣрятъ разсказу о томъ, что когда одинъ умный человѣкъ сказалъ себѣ: „э, великъ-дзень, пойду я поору, потому что больше я выорю“, пошелъ работать въ полѣ, то превратился въ камень. Пониже города Мозыря и этотъ самый камень показываютъ и находятъ всѣ, что онъ очень похожъ на человѣка. Совсѣмъ не то праздникъ Рождества Христова или „коляды“,—къ которому готовятся за нѣсколько недѣль, начиняя колбасы, просаливая сало, прокопчивая свиныя окорока и т. под. Для „колядокъ“ потребовалось цѣлая группа обрядовъ, столь же древнихъ, какъ сама Русь и вызвавшихъ столь же разнообразную серію особенныхъ пѣсенъ („колядокъ“). Самое чествованіе начинается еще наканунѣ церковнаго праздника и обставлено своеобразными игрищами и суевѣрными примѣтами, основанными на гаданьяхъ. Растянулась „коляда“ на двѣ недѣли и даже выдѣлила изъ себя четыре особыхъ большихъ праздника (три куцьи — богатая, ласая или мясная и голодная, да щедроука) и цѣлый десятокъ такихъ же веселыхъ „кревыхъ вечаровъ“.

Присмотрѣвшись, посравнишь,—и видишь, что пасхальные праздники чествуются съ большимъ оживленіемъ и радостью на востокѣ и сѣверѣ, чѣмъ на югѣ и западѣ; въ лѣсистой и суровой Великороссіи, чѣмъ въ теплыхъ странахъ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Къ радостному настроенію чувствъ, вызываемому христіанскимъ праздникомъ, примѣшиваются живительныя, весеннія ощущенія у насъ, почти всегда въ ближайшее къ нему время. Тамъ уже пережиты эти впечатлѣнія по случаю рано наступающей весны—впечатлѣнія самыя свѣжія и живыя; надо уже насиловать себя и обрядно поддѣлываться. Тамъ, наприм., на пятой недѣлѣ сорока яйцомъ похваляется, а Лазарева суббота почитается самымъ благопріятнымъ днемъ для посѣва гороха. У насъ зачастую въ тотъ же самый день приходится домашнимъ тепломъ заставлять вербу выпустить сережки въ серебристобѣлой шубкѣ, а на позднюю, нынѣшнюю Пасху, по народному календарю, еще не пришла даже пора и капустную разсаду сажать во мшоные срубы. Въ то же время, среди суровой природы, въ безконечной борьбѣ съ ея могучими силами, великоруссъ растерялъ и забылъ очень многіе изъ тѣхъ поэтическихъ образовъ, которые сохранились на югѣ и западѣ, въ видѣ многочисленныхъ отрывковъ вѣры, предшествовавшей христіанству, и имѣвшей въ главныхъ основахъ своихъ боготвореніе природы. Величайшій христіанскій праздникъ принятъ на сѣверѣ (гдѣ твердо возлюбили обрядовую часть вѣры) за такіе священные дни въ году, когда нѣтъ мѣста инымъ обрядамъ, сверхъ положенныхъ церковнымъ уставомъ. Суевѣрныя примѣты и языческія моленнія здѣсь пріурочены обязательно ко всѣмъ церковнымъ праздникамъ, но святые и свѣтлые дни Пасхи—именно первые три—въ значительной степени очищены отъ примѣсей языческихъ обрядовъ. Въ настоящее время изчезъ даже обычай обливанія водой тѣхъ, которые просыпаютъ заутрени на Святой недѣлѣ. Изчезъ онъ правда, весьма недавно, изчезъ самъ собою и, конечно, не въ силу указнаго запрета, котораго не слушались цѣлыхъ полтораста лѣтъ *). Между тѣмъ, на югѣ и западѣ языческій символъ все еще въ сильномъ требованіи и сохраняется въ гораздо большей цѣлости, чѣмъ въ суровыхъ лѣсахъ сѣвера. Такъ, напр., въ праздничной жертвѣ на св. Пасху, сверхъ яицъ, кулича и пасхи присоединяется еще сало, масло и, въ заколядныхъ окорокахъ, свѣжій колотый поросенокъ. „Паской“ зовется не наша стопочка творогу, а тотъ обрядной коровай хлѣба, который мы называемъ куличемъ. Въ самомъ

*) Синодъ въ 1721 г., 17 апрѣля, приказалъ объявить всенародно: „Понеже вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ государствѣ, какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ, происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно во всю свѣтлую садмицу Пасхи. ежели ктоне бываетъ у утрени, таковаго, яко бы штрафуя, обливаютъ водою и въ рѣкахъ и прудахъ купаютъ. И хотя сіе простой народъ дѣлаетъ себѣ будто на забавку праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣется не токмо здравый, но и животу человѣческому тщета, ибо онымъ купаніемъ въ глубинахъ иногдѣ людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапнымъ обляніемъ ума лишаютъ... Того рада оный обычай весьма истребить, а впредь того въ Россійскомъ государствѣ отнюдь не былобъ“.

толковании символическаго значенія главнѣйшаго праздничнаго приношенія—„крашенныхъ яицъ"—родственныя племена совершенно разошлись. По книжному мы разумѣемъ основательницу обычая въ лицѣ св. Маріи Магдалины, пришедшей въ Римѣ прямо къ самому кесарю (Тиверію) съ краснымъ яйцомъ, передавая которое не побоялась она громко воскликнуть: „Христосъ воскресе"! Совсѣмъ по другому объясняютъ смыслъ своихъ „крашанокъ" на западѣ и югѣ: „шелъ себѣ совсѣмъ убогій человѣкъ съ десяткомъ яицъ въ кошелочкѣ продавать ихъ на городскомъ базарѣ. Навстрѣчу ему ведутъ жиды Христа распинать. Онъ и крестъ свой самъ несетъ, обливаясь потомъ и задыхаясь. Идетъ—идетъ, да повалится. Стало убогому человѣку жаль Христа. „Дай—сказалъ себѣ—помогу!"—и кинулъ кошелочку въ сторону и сталъ помогать. Вернулся назадъ, а бѣлыя яички всѣ до одного стали крашанками да писанками".

У насъ съ первымъ ударомъ въ колоколъ христосной заутрени всѣ черти улетаютъ въ преисподнюю,—на Малой и Бѣлой Руси надо съ ними еще долго возиться и воевать.

Вотъ вышли всѣ къ заутрени отъ мала до велика: огней въ домахъ не тушили. Въ нихъ теперь живой души не осталось, и всѣхъ забрали. Конечно въ церкви, не хватитъ всѣмъ мѣста,—можно и на дворѣ постоять: малымъ ребятамъ милое и веселое гнѣздо на колокольнѣ, а старики на возахъ посидятъ. Большимъ ребятамъ много дѣла у костровъ, для которыхъ стараются они непремѣнно украсть у жидовъ либо колесо, либо бочку, либо цѣлую дорожную фуру.

Ребята вынесли изъ церкви хоругви, пожилые—образа, евангеліе и артосъ, а четыре почетныхъ старика плащаницу. Пономарь всю церковь оглядѣлъ (не осталось ли кого), заперъ ее замкомъ и сталъ сторожить, чтобы не ухватилась за него какая-нибудь вѣдьма. Съ рогами и кувшинами съ молокомъ ихъ въ этотъ день, за заутреней можетъ свободно видѣть всякій. Женщинамъ, подозрѣваемымъ, велятъ во время крестнаго хода прикоснуться къ ризѣ священника, для доказательства, что онѣ—не вѣдьмы.

Когда запоютъ въ первый разъ „Христосъ воскресе", деревенская молодежь старается въ этотъ моментъ выстрѣлить, потому что каждый выстрѣлъ непремѣнно убиваетъ цѣлаго горта. Догадливые изъ нихъ берутъ въ одну руку монету, и, когда скажетъ попъ „Христосъ воскресе", не отвѣчаютъ ему обычнымъ привѣтомъ, а говорятъ про себя завѣтныя слова или „зароки" до трехъ разъ. Отъ этого становится такъ, что та монета, куда бы ни была отдана, непремѣнно возвратится къ хозяину, да еще и приведетъ съ собою всѣхъ своихъ сосѣдей, рядомъ съ которыми лежала въ мошнѣ; кто успѣетъ выговорить себѣ какое нибудь пожеланіе, то ему и сбудется и т. д. Впрочемъ, дьяволъ не покидаетъ западныхъ православныхъ и на то время, когда они спѣшатъ домой, намѣренно стараясь перегнать сосѣдей, чтобы придти въ селеніе первыми: дьяволъ ходитъ по хатѣ, если при разговѣньѣ кто нибудь смѣется. Первые два пасхальные дня почти все время проводятъ на погостѣ, а съ понедѣльника ходятъ къ сосѣдямъ съ поздравленіемъ, христосоваться *). На третій день уже всѣ у жида „въ корчмѣ на музыкѣ, а корчма и шинокъ,

*) Первое хрестное яичко стараются сохранить: оно владѣетъ чудесной силой. Оно не гніетъ, а высыхаетъ въ твердый камушекъ. Имъ гладятъ скотину, чтобы она была сильна и работна, его бросаютъ въ огонь, чтобы затушить начавшійся пожаръ, и т. д.

какъ извѣстно, на югѣ и западѣ есть и свадебная кухмистерская, и клубный залъ, и палата засѣданій.

Если изъ-за колядныхъ обрядовъ довольно отчетливо вырисовывается образъ покинутаго Бога, однако, еще владѣющаго кое какой вредной силой и требующаго угощеній, если, наконецъ, имѣются на этотъ случай и посредники, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ жрецы (старый дѣдъ и „колядовщики"), то нѣтъ ли чего подобнаго и на Великодне?—Вѣдь бѣлоруссы, устойчивые въ древнихъ славянскихъ обычаяхъ сберегли ихъ подъ шумокъ той борьбы, какая велась двумя враждовавшими между собою христіанскими вѣроисповѣданіями, наружно и насильно примирившимися подъ формою новаго третьяго—уніи. Вотъ и на этотъ разъ и на это великодне сохранили они до нашихъ дней „лалынщиковъ", распѣвающихъ особенныя обрядныя пѣсни съ древнѣйшимъ припѣвомъ: „ай, лалымъ-лалымъ. гей лалымъ!—подсмѣненнымъ потомъ на „Христосъ воскресъ—Сынъ Божій". За то, что они ходятъ по дворамъ (однако, только первые три дня Великодня), зовутъ ихъ еще „волочовниками", а за то, что жалобно поютъ и ихъ одѣляютъ, жалуютъ—„жаловниками". Разомъ три имени для одного и того же сорта занятій достаточно доказываютъ, на сколько распространенъ самый обычай, уже исчезнувшій у малоруссовъ и нигдѣ не встрѣчаемый во всей Великой Россіи, гдѣ воспѣвается свѣтлый праздникъ исключительно одними духовными лицами. Волочовники, какъ принадлежность великоденнаго праздника представляютъ собою именно то самое существенное отличіе, которое и встрѣчается лишь въ этой малоизвѣстной коренной русской странѣ, занимающей собою обширную область въ семи губерніяхъ на сѣверо-западѣ Россіи.

Здѣсь, гдѣ изчезли всѣ формы того артельнаго начала и крестьянской общины, которыя составляютъ въ Великороссіи экономическую основу народной жизни, въ волочебникахъ замѣчаются еще нѣкоторые признаки этого древнѣйшаго и кореннаго обычая. По образчику святочныхъ „колядовщиковъ" на короткое время соглашаются между собою изъ крайнихъ бѣдняковъ молодые парни, а всего чаще бездомные старики, пристроившіе себя къ какому нибудь-приходу, т. е. къ церкви. Они, побаиваясь городовъ и облюбовавъ деревни и усадьбы, ходятъ сбирать подаяніе въ видѣ бродячихъ странниковъ, великоденныхъ пѣвцовъ и славельщиковъ. Въ подголоски берутся мальчики; въ запѣвалахъ становится самъ староста артели—умѣлый „починальщикъ", твердо знающій волочебные стихи. У него подъ рукой „помогальники", подхватывающіе одинъ только припѣвокъ, и „мѣхоноша", собирающій въ мѣшокъ подаянія. У этого, по древнимъ обычаямъ, и эмблема въ рукахъ, въ видѣ длиннаго шеста, на концѣ котораго привязывается кусокъ сала. Иногда толпа увеличивается тѣмъ, что беретъ съ собою „музычинъ", умѣющихъ играть на классической бѣлорусской дудѣ, на волынкѣ или пилить на скрипкѣ. Бродятъ они по деревнямъ, останавливаясь передъ каждой хатой и ни въ одной не отказываютъ имъ въ какой либо подачкѣ. Сборное подаяніе дѣлятъ между собою, а старики нѣкоторую часть вносятъ въ свою церковь. Въ мѣшокъ попадаютъ куски сала, яица, всякіе объѣдки. Добрые люди подчуютъ пѣвцовъ водкой; достаточные хозяева предоставляютъ имъ полное угощеніе. На скупыхъ у нихъ имѣются бранчивые стихи, на всѣхъ прочихъ—ласковыя пожеланія, очень пригодныя къ лѣту, къ началу полевыхъ работъ, и сосредоточенныя на этой темѣ, какъ и подоба-

етъ бѣлоруссамъ—исключительно земледѣльческому народу. Въ результатѣ оказывается обогащеніе народной поэзіи, новымъ самобытнымъ отдѣломъ пѣсенъ „волочебныхъ", очень распространеннымъ и многоразличнымъ *). Желаютъ, чтобы „жито и пшеница, все напаханное и насѣянное, уродилось коломъ колисто и ядромъ ядристо, да такъ, чтобы изъ одного колоса вышла бочка жита, изъ другого—другая: одной бочкой засѣвать, изъ другой дѣтей пропитывать („одноей засѣваци, а другая—дѣтки годоваци") По пути и кстати похваливаютъ хозяина, заласкиваются на подарокъ: „и ворота-то у него золотыя, подворотнички—рыбья косточка; и ульи-то стоятъ, пчелки гудятъ въ полетъ хотятъ. А у добраго папа жнеекъ полонъ дворокъ, сорокъ серповъ жито жать, сорокъ хлопцевъ снопья носить, сорокъ коровокъ отялилося, сорокъ кобылъ жеребилося, яще столько назначилося". Добрыми желаніями волочебники заручаютъ впередъ уже на цѣлый годъ: дай Богъ дождаться и проводить „святое Вяличко съ краснымъ личкомъ, св. Юрья съ росицей, св. Миколу, что по межамъ ходитъ, жито родитъ, св. Ушесцѣя съ кирмами (Вознесеньѣ съ ярмарками), св. Духа съ зяленымъ маемъ, Илью съ новымъ хлѣбомъ, св. Прячистыя (Успѣнье) со канунами (пасыщенными свѣжимъ медомъ), другую Прячистую (Рождество Богородицы) съ присѣвками (озими), св. Покрова—со всякимъ добромъ". „Св. Покровъ покрой мяне и головочку, и домовочку, и семеечку, и пашоночку".

Въ концѣ волочебники все-таки откровенно выпрашиваютъ то, чего хочется и зачѣмъ собственно пришли, однако не безъ шутливаго запроса: „почипальщику—золотой, подхватнику—пол-золотого, прочимъ хоть немного—коня вороного, а мѣхоношѣ: звѣно солонины изъ самой середины, на всю братью—по десятку яицъ, а музыкова горькая доля—кварта горѣлки, сыръ на тарелкѣ, (пирогъ мягкій на закуску". И всетаки послѣ каждаго стиха слѣдуетъ припѣвокъ—„Христосъ воскресъ, Сынъ Божій" или „Христосъ воскресъ на свѣтъ увесь".

Да ужо-жъ вамъ пѣсня спѣта,
Пѣсня спѣта противъ лѣта,
Противъ лѣта, лѣта краснаго,
Противъ году—году новаго,
Въ доброй ласцѣ, въ доброй сгодѣ,
Въ доброй сгодѣ—намъ пѣть годѣ (т. е. довольно, пора перестать). (Нов. Вр.).

С. Максимовъ.

*) Впрочемъ, въ иныхъ мѣстахъ ксензды навязали этимъ пѣвцамъ „кантычки", которыя отъ частаго и неумѣлаго употребленія такъ изуродовались, что дошли до безсмыслія и мѣстами до кощунства. Волочьбу стали стѣснять, и она во многихъ мѣстахъ осталась теперь только у ребятокъ. Такъ, напримѣръ, по г. Великому (Витебской губ.) отъ четырехъ приходовъ ходили четыре артели; теперь давно уже не слыхать ни одной.

Магистерскій диспутъ въ С.-Петербургской духовной Академіи.

Въ воскресенье, 30-го марта, въ актовомъ залѣ С.-Петербургской духовной академіи, въ 1 часъ по полудни, состоялся магистерскій диспутъ преподавателя Виленскаго духовнаго училища Г. Г. Мирковича. Диспутъ происходилъ въ присутствіи г. управляющаго канцеляріей Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблера, многихъ лицъ высшаго столичнаго духовенства, въ томъ числѣ отца протоіерея Горчакова, профессора каноническаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, всей академической корпораціи профессоровъ съ преосвященнымъ Арсеніемъ, епископомъ Ладожскимъ, ректоромъ академіи, во главѣ, нѣкоторыхъ профессоровъ университета и многихъ другихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія и студентовъ академіи. Защищалъ на степень магистра богословія кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи, Г. Г. Мирковичъ свое сочиненіе: *„О времени пресуществленія св. даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка"*. Какъ видно изъ прочтеннаго секретаремъ академіи „curriculum vitae", магистрантъ—преподаватель Виленскаго духовнаго училища, сынъ псаломщика Гродненской губерніи, 32-хъ лѣтъ отъ роду. Первоначальное богословское образованіе онъ получилъ въ мѣстной Литовской духовной семинаріи и по окончаніи ея, спустя годъ, въ 1874 году отправленъ былъ семинарскимъ правленіемъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію для завершенія богословскаго образованія. По успѣшномъ выдержаніи повѣрочныхъ пріемныхъ испытаній былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ академіи. Въ теченіе академическаго курса прослушалъ полный курсъ общеобязательныхъ наукъ и спеціальныхъ по церковно-историческому отдѣленію съ практическими занятіями по русской церковной исторіи и латинскому языку. Въ 1878 году окончилъ курсъ въ академіи со степенью кандидата и былъ назначенъ помощникомъ инспектора въ Тамбовскую духовную семинарію. Въ 1880 году, согласно прошенію, по распоряженію Святѣйшаго Синода, былъ назначенъ преподавателемъ въ Виленское духовное мужское училище по латинскому языку, въ каковой должности состоитъ и по настоящее время. Параллельно съ преподавательскою должностью въ духов. училищѣ, Г. Г. Мирковичъ проходитъ должность учителя Виленской женской гимназіи въ какое время исправлялъ должность директора гимназіи и члена управленія по хозяйственной части. Въ прошедшемъ году г. Мирковичъ представилъ въ совѣтъ С.-Петербургской духовной академіи сочиненіе на тему: „О времени пресуществленія св. даровъ. Споръ бывшій въ Москвѣ въ половинѣ XVII в.", на соисканіе степени магистра богословія. Разсмотрѣвъ означенное сочиненіе, совѣтъ академіи нашелъ его достойнымъ соисканія этой степени и постановилъ допустить Г. Мирковича къ защитѣ диссертаціи.

Коллоквіумъ былъ открытъ рѣчью магистранта. Въ своей содержательной рѣчи диспутантъ начертилъ живую картину какъ обстоятельствъ, при которыхъ зародилась въ немъ свѣтлая идея настоящаго сочиненія, такъ и сопутствовавшихъ осуществленію ея, пока она не была приведена къ вождѣленному концу. Какъ видно было изъ рѣчи, магистранту нелегко дался его ученый трудъ. Натолкнувшись случайно при написаніи кандидатской диссертаціи: „О просвѣщеніи въ Россіи при братьяхъ Лихудахъ" на богословскій споръ, который происходилъ въ это время на Московской Руси, о времени пресуществленія свят. даровъ, Г. Г. Мирковичъ взялъ на себя многосложный и кропотливый трудъ—прослѣдить, по окончаніи академіи, причины, развитіе и результаты этого важнаго общественнаго спора. Но скудость матеріальнаго положенія, недостатокъ времени, поглощавшагося исправленіемъ инспекціонныхъ обязанностей, отсутствіе подъ руками нужныхъ источниковъ—встрѣтили его

на первыхъ-же шагахъ занятій. Положеніе, по словамъ самаго диспутанта, было поистинѣ трагическое. Только то самоотверженное служеніе намѣченной идеѣ, та неустанная энергія, трудолюбіе и настойчивость въ преслѣдованіи своей цѣли, о которыхъ, по общему признанію, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ ученый трудъ г. Мирковича, и могли помочь ему въ преодолѣніи трудностей. Они заставляютъ его, не жалѣя силъ, посвящать свободное для другихъ лѣтнее каникулярное время составленію и печатанію статей въ „Журналѣ мининистерства народнаго просвѣщенія“ и на вырученныя за этотъ трудъ средства ѣхать съ начала на два мѣсяца въ Москву, въ Румянцевскій музей, для работы надъ рѣдкими рукописями и надъ старопечатными книгами Московскаго синодальнаго архива и архивовъ Московскихъ монастырей; а затѣмъ—въ С.-Петербургъ извлекать изъ архивнаго богатства Императорской публичной библіотеки и библіотеки дух. Академіи нужные историческіе документы. Они-же, наконецъ, побуждаютъ г. Мирковича проситься, въ центръ западно-русскаго просвѣщенія—г. Вильну, гдѣ есть богатая коллекція древнихъ рукописей при библіотекѣ Литовской духовной семинаріи, при центральномъ архивѣ и публичной библіотекѣ. Съ большимъ затрудненіемъ, по словамъ магистранта, удалось ему устроиться въ этомъ городѣ и продолжать уже ровнымъ путемъ, хотя и не безъ перерывовъ своихъ занятій, пока сочиненіе не приняло настоящій свой видъ, что исполнилось только къ 1885 году. Но на самое написаніе сочиненія потрачено не больше года. Такова поучительная исторія сочиненія г. Мирковича. По отзывамъ профессоровъ, въ этомъ сочиненіи двѣ трети составляютъ самостоятельный трудъ автора. Указавъ, затѣмъ, на то, что уже по отпечатаніи его труда вышли въ свѣтъ такія изслѣдованія, которыя проливали новый свѣтъ на затронутые имъ частные вопросы, въ родѣ принадлежности нѣкоторыхъ сочиненій не тѣмъ лицамъ, которымъ они приписаны, магистрантъ заявилъ, что какъ ни прискорбно, но онъ вынужденъ отказаться отъ своихъ теорій, оставивъ вопросъ открытымъ *). Наконецъ, сказавъ, что онъ чуждъ мысли полагать всѣ недостатки своего сочиненія лишь въ указанныхъ предѣлахъ, магистрантъ выразилъ желаніе и просьбу по адресу оппонентовъ указать другія недостатки и сдѣлать свои ученыя замѣчанія.

— Оппонентовъ было не въ примѣръ много, какъ рѣдко случается, и диспутъ имѣлъ характеръ оживленный. Оффиціальными оппонентами были: экстра-ординарный профессоръ по Русской церковной исторіи прот. П. Ѳ. Николаевскій и экстра-ординарный профессоръ по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики Н. В. Покровскій. Первымъ возражалъ П. Ѳ. Николаевскій. Онъ началъ свою рѣчь указаніемъ положительныхъ сторонъ сочиненія магистранта. Вашъ почтенный трудъ, сказалъ о. Николаевскій, надо привѣтствовать, какъ первое въ своемъ родѣ ученое изслѣдованіе, до сихъ поръ оставшееся во мракѣ, эпохи религіозныхъ споровъ на Руси о времени пресуществленія свят. даровъ. До настоящаго времени мы не знали у себя такихъ ученыхъ, которые-бы хоть нѣсколько освѣтили намъ эту темную эпоху. Это сдѣлали Вы, и сдѣлали съ рѣдкимъ умѣніемъ спеціалиста. Ваше трудолюбіе, самоотверженіе и настойчивость въ трудѣ на нетронутомъ еще полѣ науки подарили намъ полное, основательное и всестороннее изслѣдованіе того богословскаго спора, который составляетъ предметъ вашего сочиненія. Наука впервые въ Вашемъ капитальномъ трудѣ встрѣчаетъ такое обиліе историческаго матеріала, извлеченнаго изъ древнихъ подлинныхъ документовъ, которые рѣдко можно и видѣть. Вы съумѣли выбрать изъ нихъ все, что было возможно и, соединивъ въ одно, сдѣлали новый цѣнный вкладъ въ церковно историческую литературу, которымъ она можетъ гордиться, какъ своимъ украшеніемъ. За это она приноситъ Вамъ глубокую благодарность. Затѣмъ, о. Николаевскій перешелъ къ указанію отрицательныхъ сторонъ и сдѣлалъ нѣсколько ученымъ замѣчаній о той серіи документовъ, которые магистрантъ упустилъ изъ виду при написаніи своего сочиненія, но которые могли-бы пополнить его трудъ; указалъ на отсутствіе нѣкоторыхъ библіографическихъ свѣдѣній о главныхъ руководительныхъ источникахъ и неполноту и неточность имѣющихся въ его сочиненіи. Но все это, заключилъ о. Николаевскій, вполнѣ неизбѣжно при такой обширности и серьезности труда, а потому эти недостатки блѣднѣютъ и стушевываются предъ тѣми достоинствами, какими блещетъ сочиненіе г. Мирковича.

Второй оффиціальный оппонентъ экстра-ординарный профессоръ Н. В. Покровскій, обратясь къ диспутанту, сказалъ: „я съ удовольствіемъ соглашаюсь съ отзывомъ перваго оппонента и не имѣю въ виду указывать недостатки вашего сочиненія, которые въ немъ незначительны, но направлю свои возраженія только противъ неточности 4 и 5 тезисовъ сочиненія“. Затѣмъ Н. В. Покровскій указалъ на неточность въ обозначеніи времени поклоновъ и благословенія священника при пресуществленіи даровъ и на неточность въ объясненіи происхожденія недостатковъ архіерейскаго служебника и типикона, которые (недостатки) авторъ считаетъ наслѣдіемъ латинской цивилизаціи и схоластичности XVII в., привнесенныхъ къ греко-русской цивилизаціи и богослужебному культу. На это магистрантъ отвѣчалъ, что видѣнные имъ древніе служебники греко-русскіе и уніатскіе даютъ право на такое заключеніе, если-бы-же ему попались такіе, которые могли-бы поколебать его выводъ, онъ, конечно, указанной неточности не сдѣлалъ бы. Н. В. Покровскій указалъ на одинъ изъ такихъ служебниковъ, хранящихся въ академической библіотекѣ. Въ заключеніе своего возраженія, Н. В. Покровскій сказалъ: „ваше трудолюбіе, талантъ и обширная эрудиція, о которыхъ говоритъ вашъ капитальный ученый трудъ, подаетъ намъ пріятную надежду и даже увѣренность въ томъ, что Вы, въ недалекомъ будущемъ подарите насъ еще однимъ своимъ сочиненіемъ для полученія высшей богословской ученой степени, чего вамъ отъ души желаю“.

Послѣ оффиціальныхъ оппонентовъ возражали: Заслуженный ординарный профессоръ академіи по каѳедрѣ русской исторіи М. О. Кояловичъ и заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола И. Ѳ. Нильскій. Почтенный профессоръ М. О. Кояловичъ расширилъ ученый горизонтъ магистранта на изслѣдованное имъ церковно-историческое явленіе указаніемъ новой точки зрѣнія на происхожденіе недостатковъ богослужебныхъ XVII в.; онъ яркими чертами изобразилъ тотъ хитрый круговоротъ всевозможныхъ направленій въ юго-и, особенно, западно-русской религіозной жизни XVII в. въ

*) Такъ, г. Шляпкинъ несогласенъ съ магистрантомъ въ вопросѣ о принадлежности нѣкоторыхъ сочиненій Медвѣдкову и Монастырскому. Какъ увидимъ ниже, г. Шляпкинъ былъ здѣсь на лицо и выступилъ приватнымъ оппонентомъ.

которой боролись и переплетались протестантство, латинство, социанство и православіе и который чрезъ Кіевскихъ ученыхъ не могъ не отражаться и на Московской Руси. А потому привнесеніе чуждыхъ православію латинскихъ особенностей въ богослуженіе надо, по его мнѣнію, считать не наслѣдіемъ латинской цивилизаціи и схоластики, а естественнымъ и невиннымъ плодомъ неокрѣпшей еще русской религіозной жизни и мысли, боровшейся со всевозможными своими доманиними направленіями. Слабые остатки подобной религіозной національной борьбы, по словамъ М. О. Кояловича, магистрантъ можетъ видѣть и теперь на мѣстѣ своего служенія, въ Вильнѣ, и вообще западно-русскомъ краѣ, гдѣ православіе, латинство, протестанство, а на югѣ штунда напрягаютъ силы бѣлорусса и требуютъ громадной ихъ интенсивности для побѣды надъ ними. Но такіе ученые, какъ магистрантъ служатъ прочною гарантіей за цѣлость и непоколебимость православно-русскаго духа и жизни той бѣлорусской семьи, достойнымъ представителемъ которой является г. Мирковичъ.—Заслуженный ординарный профессоръ И. Ѳ. Нильскій поставилъ магистранту на видъ ту неточность, которая вкралась въ библіографическую замѣтку автора о книгѣ: „Скрижаль". Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія магистрантъ приписываетъ только переводъ ея Епифанію Славинецкому, въ другомъ—считаетъ ее выраженіемъ мыслей этого ученаго. На подобную мелочь, говорилъ И. Ѳ. Нильскій, онъ не сталъ-бы обращать вниманія (ибо это неточность), если-бы наши ученыя сочиненія не перечитывались раскольниками и не принимались во всемъ своемъ объемѣ, даже и съ погрѣшностями, за выраженіе православнаго взгляда. Встрѣтивъ-же подобную неточность, старообрядцы скажутъ, что православные считаютъ свою „Скрижаль" *произведеніемъ* латинствующаго ученаго, а не переводомъ и поставятъ намъ это въ вину. Но это не болѣе, какъ совѣтъ быть осторожнымъ.

Послѣ этихъ преній, Ректоръ Академіи, епископъ Ладожскій Арсеній, всталъ и, обратясь къ присутствующимъ, спросилъ, не имѣетъ-ли еще кто нибудь возразить? Въ отвѣтъ на это доцентъ С.-Петербургскаго университета, магистръ г. Шляпкинъ, съ мнѣніемъ котораго о принадлежности нѣкоторыхъ сочиненій Медвѣдеву и Монастырскому магистратъ не соглашается въ своемъ сочиненіи, заявилъ о своемъ желаніи сдѣлать возраженія. Г. Шляпкинъ настаивалъ на своемъ мнѣніи по указанному вопросу, но магистрантъ удачно отразилъ его, сославшись на духъ и характеръ спорныхъ сочиненій. Но г. Шляпкинъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ теорій — и завязался ученый споръ. Оппонентъ старался забросать магистранта возраженіями, ссылаясь для подкрѣпленія своихъ мыслей на одну древнюю грамоту, о которой въ сочиненіи г. Мирковича вовсе не упомянуто, и на статью (монографію) въ „Литовскихъ Епарх. вѣд." „Варлаамъ Ясинскій". Но магистрантъ съ честью выдержалъ нападеніе и сразу положилъ конецъ возраженіямъ г. Шляпкина, доведя его до сознанія, что содержаніе приведенной имъ грамоты его оппоненту неизвѣстно, во 1-хъ, а, во 2-хъ она ничего не давала магистранту для его цѣлей. Что-же касается монографіи, напечатанной въ „Лит. Еп. вѣд.", то, какъ доказалъ магистрантъ, г. Шляпкинъ нѣсколько своеобразно понималъ содержаніе ея (равно какъ и личность автора *). Но оппонентъ не удовлетворялся. Онъ еще указалъ на хронологическія неточности, въ родѣ того, что грамота написана 9 марта, а отвѣтъ на нее 4 февраля того-же года. Магистрантъ призналъ здѣсь опечатку. Тогда г. Шляпкинъ пытался отстоять вѣрность цифроваго обозначенія, стараясь вывести это изъ запутанности тогдашняго счисленія времени, по которому одни считали годъ съ января, другіе начинали его съ сентября. Но г. Магистрантъ отвѣчалъ, что вѣрность подобныхъ хронологическихъ обозначеній—абсурдъ, къ чему присоединились и гг. профессора академіи, попросивъ оппонента объясненія. Но послѣдній не могъ дать его, сославшись на сбивчивость тогдашняго времясчисленія.—Послѣ г. Шляпкина всталъ для возраженій еще г. Дружининъ, занимающійся въ С.-Петербургѣ изученіемъ исторіи раскола. Г. Дружининъ хотѣлъ доказать магистрату, что онъ пользуется нѣкоторыми сочиненіями, не цитируя ихъ, чѣмъ какъ-бы приписываетъ себѣ ихъ мысли. Такъ сочиненіе г. Любимова приводится у него по частямъ очень часто, но подстрочныхъ цитатъ объ этомъ не имѣется. На это г. Мирковичъ заявилъ, что у него въ началѣ сочиненія прямо упомянутъ этотъ источникъ при обзорѣ литературы предмета и въ важныхъ случаяхъ цитируется; а гдѣ изъ этого сочиненія заимствуется одна—двѣ фразы, тамъ магистрантъ считалъ излишнимъ пестрить книгу мелочными цитатами.

*) Невѣрно называлъ фамилію и не представлялъ обстоятельствъ и цѣли происхожденія монографіи, считая ее просто журнальною статьею.

Послѣ этого Ректоръ академіи сталъ собирать сужденія членовъ совѣта о защитѣ диссертаціи и, послѣ пропѣтой студентами академіи молитвы „Достойно есть", объявилъ, что совѣтъ академіи единогласно признаетъ сочиненіе и защиту вполнѣ удовлетворительными для степени магистра богословія и будетъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи г. Мирковича въ означенной ученой степени. Тутъ-же началось поздравленіе г Мирковича съ защитой диссертаціи и полученіемъ степени магистра богословія. Первымъ поздравилъ Ректоръ академіи, облобызавъ молодаго магистра; его примѣру послѣдовали всѣ профессора и знакомые изъ студентовъ—земляковъ и постороннихъ лицъ. Этимъ и закончился диспутъ въ четверть 5 ч. по полудни.

Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, защитникъ православія и народности малорусской украины прошлаго столѣтія, въ борьбѣ ея съ уніей и полонизаціей края *).

Историко-біографическій очеркъ.

1716—1809 г.г.

Когда окончилось устройство обоза и войско стало прибывать подъ Ольшану, Вороничъ сталъ „дѣлать немилосердіи съ народа издирства, подачи та великіи и неумѣренніи брать, что иной бѣдный человѣкъ всѣмъ имуществомъ едва вистачить могъ". Началось безправочное разореніе бѣднаго народа, которое предчувствовалъ Мелхиседекъ. „Провентикіе безмѣрни дерли, которихъ отъ вѣку не давали и не слихали". Провентъ возобновляли по нѣскольку разъ, удвоивали и утроивали, по мѣрѣ твердости приходской общины въ православіи. Это была въ полномъ смыслѣ военная экзекуція, и стояла она въ тѣсной связи съ религіознымъ вопросомъ. „Все за благочестіе сердячись, Ляхи велики провенти дерли. Унѣяти такъ подманювали, что котора громада

*) См. №№ 8 и 9.

пристанетъ па унѣю и подпишется, то з опой нѣ малаго провенту не возмутъ Ляхи, такъ громади не подписовались, та провентъ великій давали *). Но вотъ утвердили обозъ и переполнили провіантомъ. Приступили за тѣмъ къ духовно-военной расправѣ. Начали съ церквей. Церкви были отнимаемы, домы и имущества священниковъ разграблены, семейства ихъ подвергались поруганію, сами же они спасались бѣгствомъ. За тѣмъ, по всей почти Украинѣ, появились священныя военно-уніатскія процессіи, съ цѣлью обращенія церквей и народа въ унію. Въ самое непродолжительное время до ста священниковъ были изгнаны изъ приходовъ, домы ихъ разорены, имущества разграблены, жены и дѣти преданы на поруганіе, или скитались въ ужасной нищетѣ. Тѣ изъ священниковъ, которымъ удавалось ускользнуть отъ рукъ враговъ, скитались въ горахъ и лѣсахъ, разлученные съ женами и дѣтьми, и сами не имѣя дневнаго пропитанія; иные, претерпѣвъ всякаго рода насилія и мученія, успѣвали убѣжать и пробирались за Днѣпръ **) Гораздо большее горе постигало тѣхъ священниковъ и монаховъ, которые попадали въ руки Мокрицкаго: предварительно ихъ ловили, какъ звѣрей, днемъ и ночью, по полямъ и лугамъ, вязали, какъ тяжкихъ преступниковъ, забивали въ колодки и желѣза, обстригали волосы на головѣ и боробѣ. Уніаты, шляхта и даже жиды изливали при этомъ на нихъ всю свою злость въ самыхъ отвратительныхъ ругательствахъ и самыхъ страшныхъ угрозахъ. Всѣхъ пойманныхъ свозили въ Корсунь, и пока Мокрицкій рѣшалъ ихъ участь, держали въ тюрьмѣ. Мокрицкій не зналъ мѣры ни своей жестокости, ни безстыдству, съ которымъ ругался надъ православною церковію и ея св. угодниками и которое умѣстнѣе было бы скорѣе въ устахъ богохульника, нежели ревнителя вѣры. Свезенныхъ священниковъ лично предъ нимъ били розгами и плетьми до того, что кровь текла ручьями, мясо отваливалось по частямъ отъ тѣла страдальцевъ, а онъ лишь спроситъ иногда: „а якого исповѣданія?“ и на отвѣтъ: „греческаго“, прибавитъ шутя: „о, путежъ, путежъ лучше того грека“. Послѣ такихъ нытокъ несчастныхъ, обобравъ до рубахи, отправляли въ Радомышль въ желѣзахъ, за карауломъ. „Въ дорогѣ они принуждены были питаться поданіемъ, по и что выпросятъ, бывало, у боголюбивыхъ людей: хлѣба, пшена и другихъ харчевыхъ вещей, а при томъ и бѣдную какую полушку или денежку, то все поотбираетъ полякъ-проводникъ, такъ что въ крайнее изнеможеніе слѣдовало прійти, ежели бъ всякъ з нихъ не прихоронилъ гдѣ кусочка хлѣба, и тѣмъ едучи, а паче ночью, тайно пе покормился“. Въ Радомышлѣ измученные узники попадали въ руки брата Мокрицкаго, суррогата консисторскаго, такого же варвара, какъ и самъ офиціалъ. Тутъ ихъ били при первой явкѣ, били и потомъ, много и долго, счетомъ и безъ счету, давали по 600 и 800 ударовъ, а иногда „примѣчали толко то, сколко которой можетъ стерпѣть, и били, пока кто кричалъ, а какъ умолкнетъ, номертвѣетъ такъ, что толко дрожитъ, то въ тѣ пори, переставши мучить и водою обливъ, отводили“; потомъ опредѣляли на самую тяжкую работу—„гору раскапывать и тачками землю возить, отправлять всякую чорную работу по броварахъ, винокурняхъ и по другихъ таковихъ „нечистыхъ и гнюсныхъ мѣстахъ“, чистить всякую всячину своими руками по самихъ негоднихъ мѣстахъ, помѣщеніе отводили иногда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ „скотъ и свинѣ входили и гдѣ до колѣнъ грязно, смрадно и, словомъ сказать, такъ гнюсно било, что ниже скотинѣ не било способное мѣсто, ибо не толко лягти, но ниже устоять не можно било“, „пропитаніе точію крупъ гречаныхъ по два раза на день, да хлѣба по такой часточкѣ давано, что противу обыкновенной порціи какъ бы третая часть *).

(Полтав. Еп. Вѣд.).

(*Продолженіе будетъ*).

*) Арх. юго-зап. Рос. т. III, № II, XV, XVII, и XXV, стр. 93 и 208.

**) Тамъ-же т. II, № XCIII, стр. 322 и 329.

*) Арх. юго-зап. Рос. т. III, № XIV, XVI и XVIII—XXI

Наставленія для спасанія утопающихъ.

1. Приближаясь къ утопающему, увѣрьте его громкимъ и твердымъ голосомъ, что онъ спасенъ.

2. Прежде чѣмъ броситься въ воду, для спасенія его, снимите, или сорвите съ себя какъ можно скорѣе и сколько возможно болѣе платья; но если пѣтъ времени, то, во всякомъ случаѣ, снимите сапоги, развяжите завязки исподняго платья; и выверните карманы — въ противномъ случаѣ, наполнявшись водою, они будутъ тянуть васъ къ низу.

3. Подплывая къ утопающему, не хватайте его, если онъ бьется, но держитесь нѣсколько секундъ въ небольшомъ разстояніи отъ него, до тѣхъ поръ пока онъ не успокоится;—въ высшей степени опасно хватать бьющагося въ водѣ человѣка. Если же нельзя ждать, пока онъ совершенно выбьется изъ силъ, то приблизьтесь къ нему съ вытянутыми впередъ руками, чтобъ схватить его, нижеуказаннымъ образомъ, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ схватиться за васъ и лишитъ васъ свободы движенія.

4) Подплывъ къ утопающему, схватите его тотчасъ за волосы и переверните его какъ можно скорѣе на спину; если же волосы коротко выстрижены или ихъ вовсе нѣтъ, то старайтесь схватить за плечо или за руку, повыше кисти, а въ случаѣ утопающій въ одеждѣ, захватите ее въ складку на груди, близъ шеи, и поверните утопающаго на спину; дерните его, чтобъ онъ всплылъ, и потомъ сами повернитесь также на спину и плывите къ берегу, или къ судну, держа спасаемаго человѣка такъ, чтобы и онъ и вы были на спинѣ и его спина прилегала бы къ вашему животу.

Этимъ способомъ вы достигнете берега, или судна, гораздо скорѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ и можете плыть поддерживая двухъ и даже трехъ человѣкъ. Достоинство этого способа состоитъ также въ томъ, что онъ даетъ возможность держать лицо спасаемаго человѣка надъ уровнемъ воды. Самое важное обстоятельство при всемъ вышесказанномъ состоитъ въ томъ, чтобы быстро схватить утопающаго и положить какъ его, такъ и себя на спину.

5. Если утопающій пошелъ ко дну, мѣсто, гдѣ онъ находится, при спокойной водѣ, опредѣляется воздушными пузырями, которые отъ времени до времени появляются на поверхности воды. При этомъ, разумѣется, надо принимать въ разсчетъ дѣйствіе теченія, которое сноситъ пузыри въ сторону. Можно не рѣдко спасти пошедшаго ко дну человѣка и возвратить его къ жизни, нырнувъ за нимъ по направленію, указанному этими пузырями.

6. Нырнувъ за лежащимъ на днѣ человѣкомъ, слѣдуетъ схватить его одною рукою, вышеуказаннымъ образомъ, а другою рукою и ногами дѣйствовать, чтобъ всплыть на поверхность вмѣстѣ съ утопшимъ.

7. Если дѣло происходитъ въ морѣ и отъ берега идетъ сильное теченіе, то благоразумнѣе удерживаться на мѣстѣ, лежа на спинѣ, пока не подоспѣетъ помощь. Не мало людей погибло отъ истощенія силъ, вслѣдствіе желанія добраться до берега во время отливнаго теченія; если бы они, вмѣсто того, держались на мѣстѣ, къ нимъ могла бы быть выслана шлюпка, или другого рода помощь. Держаться на спинѣ возможно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

8) Эти наставленія относятся одинаково ко всѣмъ обстоятельствамъ и примѣнимы къ самой взволнованной, такъ и спокойной водѣ.

Наставленія для поданія первой помощи утопленникамъ.

Утопленнику, какъ бы долго онъ ни находился подъ водою и какой бы ни былъ родъ мнимой смерти, непремѣнно слѣдуетъ подавать пособіе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обнаружился единственно вѣрный признакъ дѣйствительной смерти—гніеніе трупа.

Прежде всего, не теряя времени, слѣдуетъ:

а) послать за врачемъ;

б) послать за одѣялами и сухимъ платьемъ:

в) приготовить все, что нужно для согрѣванія утопленника, т. е. бутылки или кувшины съ горячею водою, нагрѣтые кирпичи или утюги, мѣшки съ горячею золою или пескомъ, грѣлки и т. п.

г) удалить всѣхъ лишнихъ людей, 3 или 4 человѣка совершенно достаточны для подачи пособія.

Вынутаго изъ воды утопленника ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ ни откачивать на бочкѣ или другимъ способомъ, ни вообще раскачивать, ни ставить на ноги, ни сажать, хотя бы онъ обнаруживалъ слабые признаки жизни, ни приподымать за ноги.

Подавать пособіе слѣдуетъ на мѣстѣ, куда вытащенъ утопленникъ, на берегу или на лодкѣ, не теряя ни минуты и буквально исполняя слѣдующее наставленіе, въ томъ порядкѣ, какъ оно изложено [1]):

1) Положить утопленника на правый бокъ такъ, чтобы голова была немного выше ногъ.

2) Очистить ротъ, глотку и ноздри отъ находящихся тамъ жидкостей и слизи, посредствомъ пальца или бородки пера.

3) Наклонить голову впередъ, приподымая слегка за плечи, поддерживая лобъ и разводя челюсти, чтобъ облегчить излишніе воды.

4) Обнажить быстро, но безъ толчковъ и сотрясеній тѣла верхнюю часть туловища (шею, грудь) отъ одежды, разрѣзавъ платье въ случаѣ надобности; распустить поясъ, разстегнуть исподнее платье и бѣлье.

5) Стараться вызвать чиханіе, давая нюхать нашатырный спиртъ, жженыя перья, уксусъ и т. п., или щекотать въ ноздряхъ или въ зѣвѣ бородкою пера или жесткимъ шнуркомъ.

6) Спрыснуть внезапно лицо и грудь холодною или теплою водою.

Если дыханіе не появляется, то слѣдуетъ возбудить его искусственно, для чего:

7) Быстро осушить тѣло, слегка обтереть его, особенно голову, руки и ноги.

8) Открыть ротъ, разведя челюсти, вытащить языкъ и удерживать его вытянутымъ изъ рта, прикрѣпивъ тесемкою, кускомъ полотна или платкомъ черезъ подбородокъ къ нижней челюсти; челюсти же удерживать разведенными, засунувъ между коренными зубами кусочекъ пробки или дерева.

9) Положить утопленника на спину, а подъ плечи и голову подложить туго свернутое платье.

10) Окутать нижнюю часть туловища одѣяломъ или сухимъ платьемъ.

11) Помѣститься у головы утопленника и исполнять слѣдующіе пріемы:

Пріемъ 1-й. Захвативъ утопленника за руки, у локтей, отводить ихъ отъ туловища, притягивая къ себѣ медленно ровно и сильно, пока руки утопленника не будутъ вытянуты за голову, и держать ихъ въ такомъ положеніи около двухъ секундъ.

Пріемъ 2-й. Привести руки утопленника къ туловищу, согнувъ ихъ въ локтяхъ, и прижимать сильно, но безъ толчковъ, къ обѣимъ сторонамъ груди, тоже около двухъ секундъ.

Повторять эти пріемы непремѣнно около 12—14 разъ въ минуту. Лучше всего сообразоваться съ собственнымъ дыханіемъ, т. е. во время вдыханія дѣлать первый пріемъ, а во время выдыханія—второй пріемъ.

12) Продолжать эти пріемы ровно и настойчиво, пока утопленникъ не начнетъ вновь дышать или пока врачъ не признаетъ, что утопленникъ дѣйствительно мертвъ [2]).

13) Во время этихъ пріемовъ, не останавливая ихъ и не мѣшая имъ, одинъ изъ помощниковъ можетъ докончить раздѣваніе утопленника, не раскрывая его.

14) Когда утопленникъ начнетъ дышать, только тогда, но ни въ какомъ случаѣ не раньше, покрыть все тѣло сухими одѣялами или одеждою и растирать подъ одѣяломъ, не обнажая утопленника, ноги и руки, производя растираніе снизу вверхъ, т. е. отъ кистей рукъ и отъ стопъ къ туловищу. Растирать фланелью, сукномъ, щетками, шерстяными рукавицами, сѣномъ, а въ случаѣ крайности соломой и т. п. Подошвы и ладони растирать дольше.

15) Согрѣвать тѣло, проводя по немъ согрѣтыми утюгами, кирпичами или бутылками съ горячею водою, обернутыми въ салфетки, или полотно, или часть одежды, или мѣшками съ горячею золою, останавливая ихъ на болѣе продолжительное время подъ ложечкой, подъ мышками и на подошвахъ.

16) Когда больной придетъ въ сознаніе, но не раньше, дать ему одну или двѣ чайныхъ ложки воды съ виномъ или водкой, или теплаго кофе, или чаю.

17) Перенести больнаго на носилкахъ, весьма бережно, положивъ на спину или на правый бокъ и закутавъ одѣялами, въ хорошо провѣтренное помѣщеніе и уложить въ согрѣтую постель, представивъ ему полное спокойствіе.

[1]) Одинъ изъ присутствующихъ можетъ читать наставленіе, а другой приводитъ въ исполненіе продиктованное.

[2]) Были случаи оживленія только послѣ настойчиваго употребленія означенныхъ пріемовъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

— При семъ № епархіальнымъ подписчикамъ прилагается объявленіе отъ правленія Виленскаго духовнаго женскаго училища.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1886 г.

Двадцатипятилѣтіе Виленскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства.

(*Къ свѣдѣнію б. воспитанницъ.*)

8-го Сентября 1886 года исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Виленскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства. Воспитанницы Училища выразили желаніе пожертвовать въ этотъ знаменательный для нихъ и Училища день въ училищную церковь иконы Св. Маріи Магдалины и Св. Іосифа Обручника,—патроновъ незабвенныхъ основателей и покровителей Училища: въ Бозѣ почившей ИМПЕРАТРИЦЫ Маріи Александровны и Высокопреосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа.

Считаю своею обязанностію довести объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ бывшихъ воспитанницъ Училища, въ увѣренности, что многія изъ нихъ пожелаютъ принять участіе въ исполненіи столь прекрасной мысли и этимъ доказать, что между ними и Училищемъ существуетъ тѣсная связь и въ сердцѣ ихъ свято хранится вѣчная благодарность и память о незабвенныхъ основателяхъ и покровителяхъ Училища.

Желающія внести свою лепту, нисколько не стѣсняясь размѣромъ ея, благоволятъ высылать на мое имя до 15 Іюня.

Примѣчаніе: списокъ всѣхъ жертвователей будетъ напечатанъ въ Литовскихъ Епархіональныхъ вѣдомостяхъ за 1886 г.

Адресъ: Начальницѣ Виленскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства Евгеніи Алексѣевнѣ Дружининой совложеніемъ N руб. N коп. въ г. Вильну.

Начальница Училища ***Евгенія Дружинина.***

Печ. разр. Апрѣля 17 дня 1886 г. Виленскій Полиціймейстеръ *Клингенбергъ.*
Вильна. Типографія **А. Минскера,** Нѣмецкая ул. домъ Кинкулькина.